

x 8 11/11/79 972

«ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС»

ЧЕЛОВЕКА

● ТЕАТР ●

В каждом спектакле режиссер Тюза Ксения Владимировна Грушвицкая выстраивает строгую программу действия актеров, и главное в этой программе — выразить «звездный час» человека, то мгновение, когда он становится великим, когда от его решения зависит настоящее и будущее других. Философия, психология, логика, мировое искусство — все привлекается в качестве аргументов, подсобного материала для выработки актерского «за» и «против». Образы, задуманные ею, — это узлы исторических и политических фактов и ассоциаций, это возможность за спиной лейтенанта Шмидта («После казни — прошу...») увидеть волю, мужество, талант, пробужденные революцией в Атиккусе Финче («Убить пересмешника») — противостояние силам, которые привели фашизм; в Сказочнике и Кае («Снежная Королева») — пробуждение человеческого в человеке, попытку заглянуть в вечность.

Такое четкое философское прочтение пьесы выливается в каждом спектакле в ту единственную театральную форму, которую режиссер находит в десятках возможных вариантов. Сама Грушвицкая называет это «пробой природы театра», считает, что без законченности формы, смелого театраль-

ного мышления нет интересного спектакля. Режиссер судит себя и свои работы очень строго, поэтому считает, что не все в ее работе получается, а что-то «никогда в жизни не получится...».

В инсценировке Б. Тура «Убить пересмешника» постановщица привлекла возможность пойти за интересным романом Харпер Ли. Столкновение гуманизма и фашизма увидено маленькими героями пьесы сквозь полудантасические мечты детства. Страшила Редди, предмет детских ужасов и детского любопытства, оказывается прекрасным человеком, а хорошо знакомые фермеры — подлыми убийцами из-за угла. Выросший на сцене киногород с «киношными» фермерами, киношным пародийным судом, страшный город из детективного фильма, где из-за каждого угла, оказывается, выглядывает смерть. Контраст самого заглавия — смерть в форме повелительного глагола «убить» и поющая птица, которую убивать нельзя, — удается выразить через режиссуру. Счастливое детство Глазастика (Т. Аверьянова) и Джима (Л. Сыпко) и исковерканное детство Мей (Т. Космакова), мудрость и силу Атиккуса (В. Степанов)...

«Два клена» Ксения Грушвицкая ставила в форме площадного русского театра, сказ-

ки-игрища. По мнению режиссера, Шварц прекрасно уживается рядом со сказочно-скоморошным и песенно-лирическим русским началом. Да, добавим, положительные герои уживаются неплохо, но для Бабы-Яги, кажется, требуется что-то другое. Ощущается определенное разнотелье, скоморошный балаган перебивается присутствием Бабы-Яги, здесь режиссер, кажется, не до конца выверил ансамбль.

Последняя работа Грушвицкой — комедия Шекспира «Двенадцатая ночь». Театральное решение этой комедии — форма народного карнавала. Продолжаются поиски, начатые в «Двух кленах». Это комедия «плаща и шпаги» в лучшем смысле, где артистично порхают на сцене плащи и скрывают все, что не нужно до времени, и блестят скрещенные шпаги, которые пытаются разрешить все конфликты. Карнавал большого озорства, где лихо выезжают на колоннах слуги, любое человеческое чувство пародировано, искажено самой атмосферой сказочной Иллирии.

Спектакль необычайно ярок. Как с олеографической картинки, в нем ярко-бирюзовый задник, озорные деревья на колесиках, в которых по ночам зажигаются свечи. Простоватый, в лучших народных традициях Герцог (С. Кукшапов), неприступная красавица Оливия (Т. Аверьянова), которая в на-

казание влюбляется в девушку — все это подчеркивает трансформацию. Поиск истины ведется опять-таки в карнаваль-ных формах. Интересны комические герои: сэр Тоби — В. Шакин и Эгьючюк — Б. Веремчук — и атмосфера, создаваемая ими в спектакле. Каждый из них, оставаясь самим собой, славит бытие во всех возможных его проявлениях.

Карнавальному началу противостоит лирическое — от сонетов Шекспира в прологе к песням Шута. Вполне отвечает замыслу режиссера музыка В. Пацеры к спектаклю, она вносит в карнавал грустинку, очеловечивает все происходящее. Потому особенно вырастает роль Шута (Б. Плюсков). Шут вносит пьесы и вне ее — с Шекспиром, умудренно подытоживает карнавал и призывает к истинности чувства и человеческого поступка. Потому Шут — то грустный, то ироничный, то сливается с героями, то как бы отстраняется от них.

Ксения Грушвицкая — режиссер, который нужен Тюзу. Вся ее творческая программа, все ее размышления связаны с таким театром. Проблема становления юношеского сердца и ума, проблема воспитания гражданственности, искренности и принципиальность по самому большому счету — все это присутствует в ее спектаклях. Человек, увлеченный и увлекающий актеров, режиссер, экспериментирующий в области театральной формы, глубокий эрудит и знаток театра, Ксения Владимировна находится сейчас в самом расцвете своей творческой деятельности.

Т. КЛЕНОВА.